

И. А. САФРАНЧУК

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Сафранчук Иван Алексеевич, к.пол.н., доцент кафедры
Мировых политических процессов МГИМО МИД России,
профессор Академии военных наук,
член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП).
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: And6958@yandex.ru*

Аннотация: Работа посвящена сотрудничеству России и КНР в Центральной Азии. Рассматриваются возможности для согласования проектов российского проекта ЕАЭС и китайского ЭПШП в Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия и Китай, Центральная Азия, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Таможенный союз (ТС), Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП).

В последние 20 лет были чрезвычайно популярны идеи глобализации. В Центральной Азии они были особенно распространены в широких слоях населения и среди элиты. Во многом идеи глобализации остаются популярны до сих пор. Были иллюзии, что страны Центральной Азии могут повторить путь «азиатских тигров», на которых в 1990-е годы смотрели как на пример для подражания. Однако страны Центральной Азии находятся внутри континента. Есть товары, такие как нефть, газ, золото, которые даже из глубины Евразийского континента выходят на мировой рынок и становятся частью глобальной торговли. Но для широкой номенклатуры несырьевых товаров рынок для местных производителей ограничен, к тому же это региональный рынок, а не глобальный (доступ на который слишком дорог и который слишком конкурентен) и не страновой, у всех стран Центральной Азии маленький по своим масштабам [3, с.121].

С 2008 года начался тренд на сворачивание глобализации. Все больше протекционистских мер, все больше ограничений для движения людей, капиталов, товаров. ВТО в кризисе. Одновременно набирает темпы процесс регионализации, когда формируются крупные регионы активной экономической жизни с интенсивной торговлей внутри региона, со своими региональными правилами, которые на месте становятся важнее глобальных. Но это не изоляционистская тенденция, поскольку региональные экономические группировки и конкурируют, и сотрудничают между собой.

Формирование Таможенного союза (ТС), Единого экономического пространства (ЕЭП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) укладывается в этот общий тренд регионализации. Но тем, кто возлагал основные надежды на глобализацию и на сотрудничество с внерегиональными игроками, оказывается сложно изменить свои базовые подходы. Трудно после стольких лет надежды на глобализацию пойти на укрепление экономических границ регионального интеграционного объединения.

В регионе Центральной Азии в настоящее время идет смена парадигмы развития — с транзитно-торговой на индустриальную с элементами модернизации. В регионе проживает почти 60 млн человек. Для поддержания базовой социальной стабильности необходимо обеспечить создание необходимого количества рабочих мест внутри региона. Сделать это только за счет транзита, торговли и посредничества — невозможно. Необходима активная промышленная политика, реиндустриализация [5]. А значит необходимо формирование достаточно емкого регионального рынка сбыта товаров промышленного и сельскохозяйственного производства. Сделать это возможно только за счет региональной интеграции и формирования единого экономического пространства. Единое экономическое пространство понимается как пространство, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Превращение центральных пространств географической Евразии в единое экономическое пространство с четкими и обеспечивающими внутреннее развитие экономическими границами — это вполне рациональный вариант стратегии дальнейшего развития. Однако укоренившуюся в регионе Центральной Азии транзитно-торговую парадигму мышления преодолеть трудно.

И этим настроениям подыгрывают внешние игроки. США продвигают идею, которую можно назвать «открытой моделью» интеграции в Центральной Азии в рамках проекта «Нового шелкового пути» [4]. В США доминирует та точка зрения, что основная проблема Центральной Азии — недостаточная способность к взаимодействию (connectivity). Предполагается, что страны Центральной Азии мало торгуют и сотрудничают между собой. Соответственно, нужно снижать барьеры для торговли и передвижения людей, в идеале — совсем снять внутренние границы в регионе, но с сохранением полных национальных суверенитетов. Регион также должен иметь прозрачные экономические границы в сторону Афганистана и Ирана. Получается, что это должен быть открытый регион с активной внутрирегиональной торговлей, вовлеченный также в торговлю с Южной Азией и Ближним Востоком.

Впрочем, такое транзитно-транспортное видение будущего для региона Центральной Азии предполагает, что регион в основном экспортирует природные ресурсы и импортирует промышленные товары, что оставляет открытым вопрос о создании достаточного количества рабочих мест в самом регионе Центральной Азии, чтобы обеспечить приемлемый уровень занятости для растущего местного населения.

Сейчас проблема занятости во многом решается за счет массовой трудовой миграции в Россию, где общее число трудовых мигрантов по неофициальным оценкам составляет несколько миллионов человек. Значительная часть трудоспособного населения вынуждена искать работу в России. Особенно значим фактор трудовой миграции в Россию для Киргизии и Таджикистана. Однако Россия, очевидно, будет ужесточать доступ мигрантов на свой рынок труда, обставляя это дополнительными условиями. Совершенно невероятным выглядят предположения, что эти люди будут массово трудоустроены в западных странах или Китае. Куда девать эти миллионы людей, которые при транзитно-торговой парадигме развития просто не нужны для местных экономик?

В последние два года набирала силу дискуссия о якобы наметившейся жесткой конкуренции между Россией и Китаем в Центральной Азии [1; 2]. Была тенденция противопоставлять проекты Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Нового Шелкового пути» (ЭПШП), рассматривать их как конкурирующие. Как представляется, степень таких противоречий явно и сильно преувеличивалась. Во-первых, ЕАЭС и ЭПШП — это разные проекты по своей природе. ЕАЭС — это четко выраженный интеграционный проект. «Эко-

номический пояс Шелкового пути» не является интеграционным, он направлен на обеспечение открытости и взаимосвязанности. Во-вторых, Таможенный союз и созданный на его основе Евразийский экономический союз — это уже реальность. Таможенный союз действует с 2011 года, Евразийский экономический союз — с 2015 года. Уже идет первая стадия расширения этих проектов. В 2015 году к России, Белоруссии и Казахстану присоединились Армения и Киргизия. Китайский проект из стадии общей идеи переведен в стадию детальных планов. Но он еще будет конкретизироваться и наполняться практическим содержанием. И уже на этой стадии два проекта вполне можно сделать партнерскими, а не конкурентными. Подписание в мае 2015 года в Москве декларации о начале переговоров о всеобъемлющем торгово-экономическом соглашении между ЕАЭС и КНР открывает возможности для развития двух проектов как партнерских.

Китай не может не задумываться о том, каким же образом будет обеспечена в среднесрочной и долгосрочной перспективах безопасность той масштабной инфраструктуры, которая по проекту ЭПШП должна связать Китай с Европой и Ближним Востоком. Важно отметить, что проект ЭПШП будет осуществляться в регионе, где есть разнообразные риски и потенциал нестабильности. Каким способом обеспечивать безопасность многомиллиардных инвестиций и созданной по их итогам инфраструктуры? Стоит ли опираться только на силовые методы? И уж тем более стоит ли доверять сотрудничеству в этой области с внерегиональными игроками? Нужно осознать, что поддерживать в перспективе социальную стабильность в регионе (а без этого построенная китайская инфраструктура всегда будет в зоне риска) без экономического развития в самом регионе Центральной Азии невозможно. Богатеть должны не только элиты на крупных инфраструктурных проектах, богатеть должны миллионы простых граждан, которые получают работу на новых промышленных предприятиях.

И Россия, и Китай заинтересованы в том, чтобы Центральная Азия была не только транзитной зоной, но и экономически успешным районом мира, где население обеспечено работой на местных предприятиях. При такой общности базовых интересов Россия и Китай могут согласовать свои масштабные экономические проекты, они не противоречат друг другу. К тому же не вызывает сомнения, что Китай будет реализовывать свой проект ЭПШП с учетом имеющейся реальности — функционирования Евразийского экономического союза.

Страны Евразийского экономического союза не отгораживаются от Китая. При дальнейшем укреплении Евразийского экономического союза ничто и никто не будет мешать Китаю сохранить широкий и долговременный доступ к важному для него центральноазиатскому сырью и транспортным коммуникациям, а также возможности инвестировать в экономики стран Центральной Азии. Пространство Таможенного союза открывает новые возможности для китайских инвесторов в Казахстане и Киргизии. При таком варианте все практические интересы Китайской Народной Республики в Центральной Азии смогут быть полностью учтены, а проекты ЕАЭС и ЭПШП окажутся совместимыми и партнерскими.

THE COOPERATION OF RUSSIA AND CHINA IN CENTRAL ASIA

*Ivan Safranchuk, Candidate of political sciences, associate professor,
Department of political process, MGIMO-University, MFA Russia.*

Summary:

This article is devoted to the cooperation of Russia and China in Central Asia. The article studies the options for agreed implementation of Russia-sponsored Eurasian Economic Union and China-sponsored Economic belt of Silk Road.

Keywords: *Russia and China, Central Asia, Eurasian Economic Union, Customs Union, Economic belt of Silk Road.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Лукин А. В.* Китай: Опасный сосед или выгодный партнер // Pro et Contra. 2007. № 6. С. 61–71.
2. *Лукин А. В.* Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли // Валдайские записки. Специальный выпуск. 2015.
3. *Сафранчук И. А.* Глобализация в головах. Центральная Азия и евразийская интеграция // Россия в глобальной политике. № 1, 2015. С. 120–126. (121)
4. *Сафранчук И. А.* Концепция «Новый шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» // Международная жизнь. № 7. 2013. С. 43–53.
5. *Сафранчук И. А.* Российская политика в Центральной Азии: стратегический контекст. Записки аналитического центра Обсерво. № 8. Ноябрь 2014.